

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

ЧАСТНАЯ ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА • N:32 (133)

В ГРЕЦИИ

1 Русско-французский клуб. Отель 3,5 зв., 45 км от центра Афин, на берегу моря. 2 экскурсии. 515\$, 8 дней.

2 Отдых в стиле "Ретро". На берегу Коринфского залива, отель 4 зв., 75 км от центра Афин. 590\$, 8 дней.

НА КИПРЕ

Лимассол, отель 3 зв., супер, 11 дней - 785\$.

В ЭМИРАТАХ

С 1 октября - открытие сезона. Сафари, катание на верблюдах, охота в пустыне и шикарные отели.

В СТОИМОСТЬ ТУРОВ ВКЛЮЧЕНЫ АВИАБИЛЕТЫ И КОНСУЛЬСКИЕ ВИЗЫ

ЭКСОТУР: (095) 201-2562, 201-7725.

ТИРАС

ЖЕНСКИЕ ЗИМНИЕ САПОГИ ИЗ СВИНОЙ КОЖИ (Бразилия) - 65.000
МУЖСКИЕ КРОССОВКИ ВЫСОКИЕ УТЕПЛЕННЫЕ: КОЖА-ЗАМША (Италия) - 48.000

Телефоны: (095) 268 7832, (095) 269 0677, склад (095) 312 2130.

Моей правде - 1994 - 20авг - с 3

В БАНЕ

(сатирическое воспоминание)

В "Литературке" критика на сборник женской прозы... В парижском магазине "Глоб" антология женской поэзии... Молодая женская проза... А старая? Встречи женщин-писательниц... В мозгу у меня срабатывает какой-то механизм и выдает картинку: моя любимая баня на рю де Розье в Париже, по средам и пятницам... в женские дни...

В бане этой всегда удивляли меня толстые тетти. Они обычно сидели не в парилках, не в душевой, а наверху, в буфете и играли... в карты! Обернутые в халаты, выдаваемые баней, они гоняли чай, тянули пиво и трескали рюмочки кальвадоса. Хорошо закусывая.

Внизу же, уже голые, размещались женщины более приемлемых размеров. Там была такая комната-зальчик,

Присутствующие парижские писательницы почему-то не говорят, что в Париже не то что домиков знаменитых писателей не сохраняют, доски мемориальной нигде нет - ни Селину, ни Жене, что ателье Мэн Рэя продается, что... Ладно, я переводчица.

Победе Столяровой, видимо, надоела вся эта интеллектуально-гуманная болтовня. Тем более, что ее дебют приветствовал Сергей Михалков, отметив ее силу в деталях, так что она переходит на эту самую деталь современной советской жизни: "Все наши русские женщины хотят выйти замуж за иностранца". Кстати, это из ее творчества я почерпнула знание о том, что подбородок надо подвизывать жесткой тряпочкой! Столярова меж тем оборачивается ко мне и спра-

между двумя парилками, где можно было рассесться в кружок и... дремать, отдыхая, либо общаться. Голыми. А можно было сидеть на скамеечке вдоль стены и... наблюдать. Что я и делала.

Там было столько... жопа, ляжек, грудей, подмышек, локтей, волос, обритых частей, волосастых, толстых, жирных, розовых и серых, складчатых и косялых, животов, животов, животов... Плоских, округлых, вдавленных и выпирающих полушарий... Те, кто были "ничего", обычно друг друга осматривали оценивающими взглядами. Те, кто "совсем никуда", лежали, развалившись, на шезлонгах и почесывали себе всякие... ну, ладно. И самими горластыми и ногастыми были, конечно, американки.

Кто как мылился-терся - интересней было потом, поднависши на этаж, видеть этих же самых женщин одетыми. Получалось, как в кино - молниеносная смена кадров на экране мозга: одета - гола, одета - гола, одета - гола. И не просто гола, а со знанием о какой-то особенной тайне...

И вот меня однажды пригласили на дни профессиональных женщин-банщиц... писательниц! Но не в качестве последней - вышла у меня к тому времени всего одна книжечка, - а как переводчицу. В помощь профессиональным бан... ну, ясно.

В одном из залов Франко-советского, а ныне Пушкинского центра за круглым столом мы и расположились. Писательницы вплотную к столу, а переводчицы чуть позади. Но переводить особенно было нечего. Русские женщины все равно говорили о своем! Между собой. И только время от времени просили резюмировать: "Чего она сказала?.. Ааа... Ну, ладно...", продолжая свою беседу о том, как кого-то надо... помыть! одеть и... можно класть трахать. Американки тем временем, как всегда лидирующие, восхваляли героиню нового романа знаменитой Алисон Лури. Возраст самой писательницы был не ясен, но всю почти жизнь она посвятила борьбе за права женщин, за их освобождение из-под гнета. Пиком этой борьбы стал как раз последний ее роман, где она выводит на авансцену женщину за сорок пять. К всеобщему удовольствию присутствующих. "Надоели уже эти длинноногие гадкие утята!.. Реальности... Живых людей... Взрослая женщина... Хватит этих красоток-акселераторок!" - наперебой восклицали довольные писательницы. Я немного спряталась за спину той, которой переводила: Победа Столярова была обладательницей как раз такой спины, как и женщины, что в бане сидели в буфете... Мне еще не исполнилось к тому времени тридцати. И героиня моего романа была девочкой 14-15 лет, так что присоединиться к восторгам дам средних лет я не могла. Алисон Лури криво улыбалась. Но не от стыда похвалам, а просто у нее была такая улыбка, заработанная, видимо, во время длительной борьбы.

Когда очередь за круглым столом дошла до русских, то слово взяла женщина, отмеченная в программе как знаток жизни рабочих. За старательным переводом моей соседки я никак не могу понять, о чем речь. "Совки и лопатки... лопатки и совки..." и что-то о Тургеневе... или о Чехове?.. О похоронах, что ли? Но я тоже старательно перевожу американской писательнице: "шовел энд скупс... скупс энд шовел..." А, она рассказывает о сохранении домика Чехова! Или Тургенева? Как рабочие с совками и лопатками ночевали у домика, протестуя против его сноса.

Наталья МЕДВЕДЕВА,

собственный корреспондент
«Нового Взгляда» во Франции

шивает: "А ты как здесь очутилась?!" - думая, может быть, использовать меня в новом произведении: "...на ней была мини-юбка и чудные чулочки чуть выше коленок... замуж она вышла за еврея и уехала с ним в Америку..." В одном этом предложении детали сообщают очень много информации: чулочки такие модные в Париже, то есть девушка, уехав, как и множество ее соплеменниц в Израиль, еврея бросила, вернувшись на старый континент!

В перерыве - полдник. И все мы устремляемся в буфет. И толстые, и худые! Появляется Елена Прекрасная - директор советской коллекции в одном южном издательстве. Она часто цитирует Т.Толстую: "Толстая сказала... Толстая заметила... Толстая написала...". Самой Толстой нет. Сказав о русской, советской женщине, что ее особое качество авторитарность, своим отсутствием Толстая и себя включила в их разряд. Живые, энергичные и полные наблюдательности эссе Толстой передают так называемое народное чувство юмора. В прозе же Толстая почему-то надевает махровый модернистский халат, читая ее, самому охота надеть халат и тапочки. Кстати, писать она стала после операции на глазах, сделанной знаменитым Федоровым... Остается надеяться, что не все им прооперированные очнутся писателями.

Елена Прекрасная сообщает, что именно она открыла для Запада Толстую и Победу Столярову. Последнюю совершенно необходимо выдвигать - в ней есть смелость! Это она написала о женщине, швыряющей свою искусственную грудь на стол директора! В то же время она не пугает - гениталий не описывает... хоть и рассказывает о том, что кого-то надо класть и тра...

В отличие от бани в дешевом буфете женщины не набрасываются на закуски. И кушину с красным вином обходят стороной. Жажда продолжить женские споры пересиливает у них жажду к выпивке! Сознательные! Посетив "буфет-клозет" и узнав - как и все там присутствующее - что у Елены Прекрасной и ее соседки по кабинету менструация - "Ой! У нас с тобой в один день!" - я спешу в зальчик за круглым столом.

Дискуссия сразу принимает агрессивный характер. (На кого эта агрессия направлена, если ни одного даже самого заухудаленного мужичинки нет?) Женщина как второстепенный пол. Я объясняю писательнице рабочим, вооружившейся карандашом и блокнотом: "Ну вот как в анкетах вы ставите крестик на 'ж', так вот во Франции вы

должны поставить крестик на цифре "два"... Потому что женщина второй считается. В Католическом институте, где я училась, например, до сих пор такие анкеты... На эту тему у Симон де Бовуар, подруги Сартра, ну, этот в очках, была книга, так и называлась "второй пол", "второй род...". Писательницу рабочих эта тема как-то не очень воодушевляет. Может, потому, что в русском языке вообще три рода, и женщину чаще именно к третьему и приписывают... "То ли кошка, то ли птица, то ли женщина была..."

Н а следующий день встреча профессиональных писательниц переносится в профессиональный Дом писате...лей. И я иду с гордостью и ухмылкой, представляя, что будто бы в ЦДЛ или Союзе писателей. Меня, конечно же, на пушечный выстрел бы не подпустили. Или изгнали бы! За аморалку и хулигантство. В компании наверняка принимали бы участие в основном женщины-писательницы. И одна бы из них после вынесения мне приговора догнала бы в коридоре и, оглядываясь, шепотом бы быстро проговорила: "Чулочки-то продай! На кой тебе чулочки на 101-м км? А у меня дочке 17 лет!" Может, это была бы Победа Столярова...

Сегодня нас всех запикивают в одну общую комнату. Писательницы за круглым столом, переводчицы по стеночкам. Сегодня это даже не баня, а зоосад! Целая комната обезьян! Мы все слегка это ощущаем и стараемся хохмить, подшучивать, становясь еще более обезьянистыми. Со всеми нашими тряпочками, чулочками и колготками, сережками и волосами. Толстые и худые, маленькие и большие. Мы все что-то говорим, хором и по отдельности. Даже я что-то вяло, пытаюсь принять участие в беседе. Голоса сливаются. Вот американская черная поэтесса

Кричит о том, какими негодями оказались ее коллеги, профессора университета! Она, мол, написала две поэмы о своем и дочернем влагилищах, так некоторые профессора пытались проверить аутентичность написанного! Глава советской делегации в свою очередь кричит: "Товарищи женщины!" и приводит в пример одну советскую писательницу, досконально описавшую роды. "Все, как есть!" - кричит бывшая жена поэта советского эстаблшмента, написавшего, что "красивая женщина - это профессия, а все остальное сплошное любительство"... Но время дать слово самой главной бор...чихе? бориче?.. за женские права Кэйт Миллет. Она в центре стола, рядом с единственным мужчиной - директором Дома писателей. Кстати, вскоре после этих встреч он скончался... Кэйт Миллет похожа на русскую Бабу Ягу. Седые длинные волосы рассыпаются у нее по плечам и грудям.

К огда я сказала своему французскому приятелю журналисту, что иду на встречу женщин-писательниц, он засмеялся и пообещал: "Одна половина будет с плетками, другая в намордниках!" Кэйт Миллет, видимо, относится к той, что с плетками. Но другая "плеточная", Катрин Рио, перебивает: "Как говорила Эмили Дикенз, если бы я написала всю правду, то стены бы обрушились!" За многочисленными переводами сказанное Рио остается непонятным: "Что она сказала?.. Стены обрушились... Она не пишет правды, потому что боится разрухи... Кто это сказал?.. Чарльз Диккенс!" Писательнице рабочих наконец-то удается вставить слово, и длится оно минут двадцать. Это рассказ о пережитых ею угрозах со стороны рабочих, за то, что описала она их не так, как им того хотелось: "С матом угрожали! С матом!" В комнату ввозят Антуанет Фуа - женщину-инвалида, ее приветствуют восторженными возгласами, и она произносит речь. Но перевести ее нет никакой возможности, настолько все рвется быть первыми в переводе. "Ааа, что там говорит! Писать нечего! Мне вчера дали свободу, что я с ней делать буду?" - качает головой глава советской делегации. Уф...

В сех женщин-писательниц просят одеться и выйти во двор для общей фотографии. Я смотрю за их группой из окна. И как в бане, на экране моего мозга сменяются кадры: одета - гола, одета - гола, одета - гола... И будто я знаю какой-то особенный секрет каждой.